

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

Читайте книги Елены Вернер –
одного из самых перспективных авторов современности:

Купальская ночь, или Куда приводят желания

Грустничное варенье

Верни мои крылья!

Черный клевер

Ты – моя половинка

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

Ты — моя
половинка

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В35

Художественное оформление серии *С. Груздева*

Вернер, Елена.
В35 Ты — моя половинка : [роман] / Елена Вернер. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Верю, надеюсь, люблю. Романы Е. Вернер).

ISBN 978-5-699-90947-6

Их любовь родилась сразу после сотворения мира. Под разными именами и в разное время их видели то здесь, то там — красная Москва, вересковый Корнуолл, зачарованный Монреаль... Они меняли облик и имя, чтобы с разных концов света раз за разом возвращаться друг к другу, в особняк на засыпанной осенними листьями аллее. Будет ли им, как Маргарите и ее Мастеру, дарован покой — или эти мужчина и женщина погубят себя и свою любовь, совершив самый страшный грех, которому нигде нет прощения? Им предстоит многое пережить, но главное — понять, что, если ты не предаешь свою любовь, она способна на чудо.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вернер Е., 2016
ISBN 978-5-699-90947-6 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

*Только любящим
даруется вечность...*

Часть первая

Она огляделась, мучительно стараясь вспомнить, как оказалась в этом странном месте.

Кругом было безмолвие и увядание. Наверное, середина пасмурного, но теплого октябрьского дня... Сад стоял, словно колдовскими чарами окутанный легким туманом, и в тумане тонули окончания разбредающих в разные стороны тропинок. С деревьев тихо осыпались пожелтевшие листья и с легким шелестом ложились на влажную землю, траву и аккуратную мощенную камнем аллею, на которой и стояла сейчас она, медленно осматриваясь вокруг.

Она втянула носом прохладный воздух и прикрыла глаза, стараясь почувствовать все оттенки запаха. Прелая листва, звонкий аромат поздних яблок, повлажневшей пыли и древесины. Вкусно. Умиротворяет. И волнует.

Пройдя по замостившим аллею камням несколько шагов, она в нерешительности остановилась у скамейки, засыпанной кленовыми листьями. Провела рукой по си-

ЕЛЕНА БЕРНЕР

дню, сбрасывая листья вниз, и почувствовала, что рука стала мокрой. Все вокруг было покрыто тончайшим слоем влаги — это оседал и никак не мог осесть туман. Но ее это не смутило, и она присела на краешек скамейки, продолжая жадно вдыхать запахи. Опустила взгляд, пытаясь рассмотреть одежду, в которую была одета, и вдруг заметила маленький круглый шрам на левой руке. Она не помнила, откуда возник этот шрамик, но, увидев его, почувствовала себя спокойнее. Как будто заново познакомилась со своим телом, признала его.

В это мгновение ей в голову пришла мысль, что она соскучилась. Она не понимала, по кому и чему именно она так сильно скучает, но это чувство захватило всю ее, хлынуло со всех сторон и наполнило душу странной дрожью, которую было не унять. Какая-то неведомая сила гнала ее прочь, дальше, дальше... Ей пришлось вцепиться пальцами в тонкую чугунную вязь кованых подлокотников, чтобы усидеть на месте. Она должна была понять.

Но понять было невозможно. Она не знала ничего: ни как оказалась в этом саду, ни кто она, ни как ее зовут. Она ничего не помнила. Но страха не было и тревоги не было. Нетерпение зашевелилось под ребрами, легкая улыбка тронула губы.

Ну и пусть! Пусть она не знала ничего о себе и этом месте, но все ее существо, от корней волос до кончиков поддрагивающих пальцев, стремилось куда-то, летело, плыло. Она легко поднялась на ноги и заспешила по аллее

Ты — моя половинка

вперед, туда, откуда ее звал чей-то неслышный голос, куда ее тянуло с невероятной силой, где она должна была быть. Тоска с каждым шагом все слабела и уступала место сметавшему все на пути радостному волнению. И предвкушению встречи.

Ноги почти не касались гладкого булыжника, набухшая от влаги длинная юбка нисколько не затрудняла их быстрый бег.

Если бы она могла знать, сравнивать — она бы сравнила себя с парусником, чьи паруса наполнил попутный ветер, и вот он несется в сверкающую даль по гладким упругим волнам. Но она не могла сравнивать. Она не знала, что на свете бывают парусники, и волны, и ветер — ведь ничего этого не было сейчас вокруг нее. Эта аллея, этот туман и булыжник, запах яблок и павшей листвы — вот и все, что она знала о мире. Этого было вполне довольно.

Она была не в силах сдерживать нетерпение, хотелось крикнуть, прыгнуть на двадцать шагов вперед, чтобы скорее сократить невероятное расстояние до... Она только бежала, не чувствуя ни биения сердца, ни боли в ступнях. Потому что сердце и ступни — что это, как не иллюзия?

И вот она остановилась. Чувства захлестывали ее, чуть не сбивая с ног. Не было только страха.

Она, задохнувшись, смотрела на ступени перед собой и не могла наглядеться.

Перед ней стоял Дом. Высокий двухэтажный каменный особняк. Часть фасада оплетали густой плющ и ка-

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

прифоль. Шершавые серые стены потемнели от влаги и казались созданными не из камня, а из темно-жемчужного бархата. Высокие окна в резных переплетах были глазами, обращенными внутрь.

Из приоткрытого на первом этаже окна в осенний сад лились дивные звуки музыки: кто-то играл на фортепиано. Мелодия вилась, задумчива и нежна, иногда почти затихала, но тотчас вспыхивала снова и улетала ввысь, срываясь на высокой ноте. Три величественных аккорда, трель волнительного стаккато... Она словно рассказывала какую-то историю, и долгожданной гостье, стоящей в саду у края аллеи, эта история казалась знакомой. Томительной. Неоконченной. «Не забывай», — настойчиво и ласково твердила музыка раз за разом.

Тяжелая входная дверь чуть скрипнула на петлях, приглашая войти. И теперь она явственно поняла, что не зря бежала сюда, словно ветром подхваченная. Этот же ветер, невидимый, неосязаемый, приоткрывал ей дверь. И не было в эту минуту ничего более желанного, чем потянуть на себя медную витую ручку и шагнуть внутрь.

К высокому крыльцу вели шесть мраморных ступеней.

Первая почти ушла в рыхлую осеннюю землю, на нее со всех сторон напоззала неугомонная трава.

Вторая немного покосилась влево. Но гостья шагнула на нее без опаски.

Третья треснула ровно посередине, и из трещины торчал чахлый на вид подорожник.

Ты — моя половинка

Четвертая была слегка шербата, и шербинки, при известном воображении, можно было принять за чью-то лукавую мордашку. Гостя мельком улыбнулась ей.

Пятая ступень была образцовой, ровной и гладкой.

А шестая... была уже не ступенью, а широкой придверной плитой на крыльце.

И желание исполнилось. За медную ручку она распахнула дверь и шагнула навстречу. Музыка в глубине Дома замерла.

Он улыбался, вставая из-за рояля и направляясь к ней с едва сдерживаемым нетерпением. А она не могла говорить и дышать. Ей не надо было ни секунды на то, чтобы узнать его. Глаза его, волосы, губы — она не видела ничего, ей это было не нужно, она и так знала, кто перед ней. Все молчаливо пело вокруг. Сейчас она осознала, что он рядом, что она достигла конца своего пути и нашла его снова. Что та потеря, тот ужас, который она пережила, его смерть — это ничего, пустяк. Что он снова рядом с ней, и иначе не может и быть.

— Ты... — вздохнула она.

— Ты, — кивнул он.

Их лбы соприкоснулись, пальцы сплелись. Времени не существовало, потому что души, созданные друг для друга, встретились. Снова.

Часть вторая

ЦВЕТ ЧЕРЕМУХИ

Москва, СССР

1936—1937

На левой руке был шрам от ожога, розоватый, недавний. Это она в котельной ударилась о трубу. Марина поморщилась: всего-то небольшой полумесяц ранки, а мешает все время, болит.

В комнате бурлило оживление. Света и Марина то и дело сменяли друг друга у небольшого овального зеркала, висящего за входной дверью, толкались, взвизгивали и в шутку оттирали друг друга локтями, вместе с тем пытаясь приложить к себе очередной наряд.

— Цыц! — донеслось до них из угла. — Ну девчата, я же просила...

Задумчивая Оля, крупноватая девушка с русой косой в руку толщиной, смотрела на них с укором. Она сидела в углу на кровати, прислонившись к стене спиной, обложенная листами бумаги и потрепанными библиотечными книжками.

Егоза Марина быстро прыгнула на кровать к Оле и схватила ее в охапку. Оля постаралась высвободиться.

Ты — моя половинка

— Мариш...

— Да все ты сдашь! Глупенькая! Стоит ли так мучиться?

— Это ты на всех занятиях отвечала. А я... Ни за что бы не подумала, что материаловедение такое сложное... — вздохнула Оля.

Марина скорчила устрашающую физиономию, поддразнила:

— Ох-ох-ох, такое сложное материаловедение...

И звонко рассмеялась, увидев, что Оля тоже улыбается. В ответ Оля взъерошила Маринины короткие волосы.

— Тебе хорошо говорить, — снова вздохнула она, когда Марина вернулась к нарядам. — Мадам Валевская в тебе души не чаёт. А Валевская — это... Устроенность, уверенность. Работа. А работа — это труд. А труд...

— А труд — это май. А в мае надо гулять!

— Слышали бы тебя экзаменаторы...

Марина пожала плечами и не ответила. Оля снова уткнулась в учебники.

Пока Марина отвлеклась на Олю, Света полностью завладела шкафом и зеркалом и уже заканчивала сборки. Она оглядела себя в ситцевом платье цвета чайной розы в мелкий черный горошек, повернулась к зеркалу спиной и чуть не свернула шею, пытаясь разглядеть наряд сзади. Марина прыснула.

— Ты, Светка, ну точно гусыня. Такая шея у тебя... длинная, — озорно закончила она.

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

Бледная блондинка Света нахмурилась, кровь прилила к лицу.

— Скажешь тоже. Шея длинная, значит, лебедь, — подняла голову Оля, заступаясь.

— Ну да, лебедь. А я что сказала? — И Марина приняла такой невинный вид, что надувшаяся было Света усмехнулась и покачала головой:

— На тебя, Маринка, решительно невозможно сердиться.

— Решительно! — кивнула та, вытащила из-под стула небольшую сумочку, открыла ее и выудила на свет маленький тюбик губной помады. Подошла к Свете и решительно скомандовала:

— Давай открывай рот. Красить буду.

Света с готовностью выпятила губки. Ей эта процедура была не впервой. Раньше она сама просила Марину нарисовать ее, и причин тому было несколько. Во-первых, никто больше не умел так красить губы, как Марина. Они казались одновременно невинными и такими восхитительными после нескольких касаний ее тюбика помады. А во-вторых, из всех обитательниц общежития у Марины помада была лучшей, иногда даже торгсиновской¹, подаренная щедрыми клиентками в благодарность за сшитое платье или костюм.

---

¹Торгсин — Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами (Торговый синдикат), существовавшее в 1931—1936 гг. (Здесь и далее примеч. авт.)

Ты — моя половинка

Сегодняшняя помада пахла как-то иначе, богаче и вкуснее, и сердце у Светки предательски зануло.

— Что это, Мариш? Дай сюда! — Она быстро выхватила тюбик и прочла название на золотистом тюбике. — Вот это да! Это ж «Коти», с самого Парижу? Мамочка родная, а как пахнет! Ммм...

От неожиданности Светка совсем перестала следить за речью и тут же выдала с головой свое кристальное рабоче-крестьянское происхождение. Косметика от «Коти», иностранного производства, такая знаменитая и недоступная, что о ней не могли даже мечтать, не то что держать в руках и красить свои пролетарские губы большинство москвичек. И тут эта маленькая драгоценность, прямо на третьем этаже общежития Текстильного института. Света не сводила с тюбика глаз.

— Ну да, «Коти», — улыбнулась Марина, глядя на раскрасневшееся от волнения лицо Светы. — Хочешь отдам? Да ты бери, бери.

Света испуганно протянула тюбик обратно.

— Ты что?

— А что?

— Это ж...

— Ну да. Мне клиентка отдала. Ей муж привез, а ее такой цвет старит. Вот мне и отдала. А мне этот колер тоже не нравится. А тебе идет. Честное комсомольское!

Света долго стояла молча, на ее лицо набегала то тень, то почти благоговение. Наконец она кивнула и бросилась Марине на шею.